

П. А. Вяземский, А. И. Тургенев

Остафьевский архив князей Вяземских

Часть 2. 1820-1823

УДК 93
ББК 63.3
В99

Вяземский П.А.
В99 Остафьевский архив князей Вяземских: Часть 2. 1820-1823 / П. А. Вяземский, А. И. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 671 с.

ISBN 978-5-517-96253-9

Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым, 1812-1845. Часть II: 1820-1823. С примечанием. Издание графа С.Д. Шереметева. Под редакцией и с примечаниями В.И. Слитова.
Остафьевский архив князей Вяземских продолжение издания "Архив князя Вяземского".
Репринтное издание 1899 года.

ISBN 978-5-517-96253-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1820.

—
256.

Князь Вяземскій Тургеневу.

4-го [января]. Варшава.

Перекрестись! Какой тебѣ „Первый снѣгъ“ возвратить? Я прошу его отъ тебя. Пожалуй, сажай его въ „Сынъ Отечества“, только безъ всякой подписи. „Уныніе“ — также, и паче: это родъ исповѣди. Конечно, у насъ никто не читаетъ: пиши что хочешь, но иное и для себя мыслить вслухъ не должно. Сейчас получилъ я письмо отъ Мещевскаго, которое меня тронуло: онъ говоритъ о своей чахоткѣ и близкой кончинѣ. Неужели Жуковскому ничего сдѣлать въ пользу его нельзя, хотя черезъ Павловскую, хотя черезъ Аничковскую дорогу? Сдѣлай милость, хлопочите! Онъ прислалъ Жуковскому „Смерть Кесаря“. Хорошо ли? Можно ли отдать на театр? Расшевелитесь! Въ такихъ дѣлахъ только и есть жизнь, во всемъ прочемъ — тлѣніе; особливо же у насъ, гдѣ бытію нельзя крылья расправить: надобно по землѣ перепархивать

И подвигъ бытія означить тѣснымъ кругомъ.

Пришлите мнѣ новое изданіе „Теоріи налоговъ“. Какъ это Яценко увротился? Что скажешь о Пруссіи? Правительство запретило не только впускъ, но и пропускъ нидерландскихъ газетъ и вашихъ-то другихъ, важется, англійскихъ, и мы сидимъ безъ „Либерала“. Какое смиреніе и признаніе въ слабости! Говорять,

Австрія то же сдѣдала. Они дождутся, что имъ головы сломать. Теперь имъ Занды только мерещутся, но страхъ ихъ въ самомъ дѣлѣ Зандовъ породить. Богъ съ ними! Но то бѣда, что на нихъ не кончится; мину подорвешь, а наверхъ взлетитъ и окрестность.

Я тебя сегодня во снѣ встрѣтилъ въ Лондонѣ. Пойдетъ ли сонъ въ руку? Я сплю и вижу, какъ бы пуститься по бѣлому свѣту и выпрягаться изъ упряжки. Нельзя всегда думать такъ, а поступать иначе. Мало того, что меня, какъ не выѣзженную лошадь, худо употребляютъ, но я и въ конюшнѣ стоять не хочу. Не только словомъ и дѣломъ, но и молчаніемъ, и бездѣйствіемъ потавать не хочу ненавистному ходу вещей и въ спискѣ ливреи быть гнушаюсь.

Мы мерзнемъ не хуже вашего: что день,—то 20 градусовъ, а было и до 28; дома же всѣ сквозные. Въ прибавокъ, волки гуляютъ вокругъ города, и что день—повѣсть о какомъ-нибудь сѣденіи. По крайней мѣрѣ это питаетъ разговоръ.

Новый годъ встрѣтилъ я съ полнымъ домомъ и пустымъ сердцемъ. Цвѣтъ варшавскаго общества былъ у меня, но для сердца это пустоцвѣтъ, хотя много любезныхъ женщинъ. Мужчины плохи, но все плохи въ европейскомъ смыслѣ, все это гдѣ-нибудь шаталось, что-нибудь видѣло и читало, а не козыряло сперва съ княземъ Вяземскимъ, потомъ съ Оболяниновымъ, а послѣ съ свѣтлѣйшимъ Лопухинымъ. Все это натерто и блеститъ если не само собою, то, по крайней мѣрѣ, при свѣчахъ. Это—проклятая розница! Весь гостинный народъ здѣшній наравнѣ съ происшествіями; они въ немъ запечатлѣны не такъ, какъ въ исторіи, но какъ въ календарѣ, а у насъ и того нѣтъ. Разговоръ ихъ не поучителенъ, но можетъ быть занимателенъ; однимъ словомъ, они не прошли черезъ просвѣщеніе, а пробѣжали и схватили, что могли; у насъ расхаживаются по невѣжеству.

Не знаю, поздравлять ли Булгакова съ переменною мѣста? Впрочемъ, вѣроятно, онъ самъ хотѣлъ того. Что же сдѣлаетъ Александръ? Мнѣ жаль будетъ, если они совсѣмъ Москву оставятъ. Я любилъ смотрѣть на нихъ, какъ на московскую и, слѣдственно, свою собственность. Теперь вся надежда на Василя Львовича, какъ на Ивана Великаго. Сдѣлай милость, поддерживай

его. Онъ все на васъ жалуется и ко мнѣ только о томъ и пишетъ, что вы къ нему не пишете. Что тебѣ стоить разъ въ мѣсяцъ сказать ему слово?

Сдѣлай одолженіе, отыщи моего „Вольтера“. Неужели Яценко — — себѣ имъ потерь? Прости! Всѣмъ нашимъ сердечное челобитье. Книги—Николаю Михайловичу.

257.

Тургеневъ князю Вяземскому.

7-го января. [Петербургъ].

Двухдневное (26-го и 27-го декабря) письмо твое получилъ, и въ одинъ часъ съ письмами изъ Иркутска отъ Сперанскаго, изъ Неаполя отъ Батюшкова, изъ Парижа отъ брата, князя Гагарина и гр[афини] Разум[овской], изъ Москвы отъ Дмитріева и изъ Вѣны отъ одного славянскаго литератора. Прочелъ ихъ по порядку, начиная съ парижскихъ и твоего. Спасибо за пожаръ и за Хоткевича. Однимъ отказомъ онъ покрылъ слабость цѣлой жизни и, уваживъ въ другихъ гражданина, спасъ въ себѣ человѣка. Я увѣренъ, что и у насъ нашлись бы подобные примѣры, но случай не найдется для нихъ. Тотъ, кто срываетъ въ себѣ истинное благородство и силою духа заглушаетъ всякій порывъ въ великому, но вмѣстѣ и опасному, осуждая свое величіе на вѣчное ничтожество или, лучше, на небытіе, конечно не менѣе того, кто бросился въ пропасть въ виду благодарныхъ гражданъ и какъ бы внимая уже вѣчному потомству. Il y avait à Rome, au temps de la dépravation de l'empire, des citoyens qui conservaient l'intégrité et la piété romaines. Ces graves personnages ne s'affligeaient que des maux de leur patrie; quant à leur sort particulier, ils se résignaient à la volonté des dieux. Lorsque la tyrannie, importunné de leur vertu, se fatiguait de les laisser vivre, ils s'en allaient à *petit bruit*, jugeant qu'il était inutile de faire tout le fracas de Caton et de se déchirer les entrailles pour une liberté qui n'existait plus. Есть обстоятельства, и въ монархическихъ государствахъ они встрѣчаются чаще, когда истинные герои добро-

дѣтели doivent s'en aller à petit bruit, и въ семьъ будетъ все ихъ величіе! Для этого нужно вѣрить безсмертію души или любить отечество, какъ любовницу. Просто умереть можно и для славы, но умереть, et mourir tout entier, можно только изъ любви, подъ какимъ бы она видомъ ни являлась, то-есть, для первоклассной страсти, которой слава, честолюбіе и прочее—только слабые отблески. Не знаю, любили ли такъ римляне свое отечество, но подданные тирана Ивана Васильевича любили такъ Россію, когда шли съ дѣтьми и женами подъ изступленные топоры его. Иначе я ихъ не хочу и воображать себѣ.

А ргорос: завтра исторіографъ читаетъ въ Академіи отрывокъ IX-го тома, и ему подносится благодарная медаль. Онъ этого не знаетъ и узнаетъ только тогда, когда увидитъ ее на блюдѣ. Завтра же и день его свадьбы, и мы проводимъ у него веселый вечеръ. Плещеевъ будетъ играть съ домашними актерами.

Вчера должна была пѣть Боргондіо у княгини Куражиной; мы ожидали ее, но она отказалась для того, что сегодня играетъ „Танкреда“ у государыни. Мы играли въ короля, котораго долженъ былъ представлять Плещеевъ, но и онъ не пріѣхалъ, и его мѣсто заступилъ графъ Воронцовъ, а королевою—графиня Апраксина, а я былъ канцлеромъ; St.-Maure—придворнымъ поэтомъ, и вотъ куплеты его, на лицо Плещеева сочиненные:

Buvons au roi très débonnaire
 Qui sur le trône vient s'asseoir;
 Buvons aux succès de Molière,
 Qui son jeu fait si bien valoir;
 Mais hélas! en sortant de table
 Adieu son sceptre, adieu sa cour!
 Eh bien! Buvons à l'homme aimable,
 Son règne dure plus d'un jour.

Buvons à notre aimable reine,
 A son esprit, à sa bonté,
 Buvons à cette souveraine
 Qui regne avec tant de gaité.
 Le premier de sa dynastie
 Sera sans doute un Roger-Bontemps,
 Son chancelier c'est la folie
 Et ses sujets des bons vivants.

Mais nous avons une autre reine
 Qui, Dieu merci, n'abdique pas
 De nos coeurs, elle est souveraine
 Et trouve partout des états;
 Ses talents, sa gaité piquante
 Plaisent un peu plus chaque jour
 Et son esprit qui nous enchante
 Près d'elle fixera sa cour.

Насилу дописалъ! О братѣ Сергѣѣ подписанъ наконецъ указъ, и черезъ двѣ или три недѣли онъ можетъ быть здѣсь, слѣдовательно гораздо прежде — въ Варшавѣ. Повидайся съ нимъ. Онъ, вѣрно, къ тебѣ заѣдетъ. Мнѣ хочется проводить его до Одессы, ибо онъ, вѣроятно, поѣдетъ въ Царьградъ моремъ. Не черезъ Варшаву ли туда ѣздить?

Дмитріеву послалъ я и „Уныніе“, и „Первый снѣгъ“. Онъ проситъ запрещенной прозы о Вольтерѣ и обѣщаетъ сообщить мнѣніе свое о первыхъ двухъ піесахъ.

Батюшкова письмо дышетъ Италіей, но оно старое, отъ 3-го октября новаго стила. Литературныхъ новостей у нихъ очень мало. Въ сѣверной Италіи пишутъ болѣе и подражаютъ нѣмцамъ. Меланхолія и романтическій вкусъ начинаютъ нравиться внукамъ Аріоста. Старики гнѣваются, и Академія Круска, или приверженцы къ оной, стараются всѣми силами выгнать новыя слова, выраженія и фразы, которыя вторгаются въ святилище языка тосканскаго, но талантовъ мало. Монти, Протей въ политикѣ и гигантъ въ поэзіи, старѣется. Итальянцы, какъ и вы же, висяне и невяне, переводятъ поэмы Байрона и читаютъ ихъ съ жадностію. А ргорос: читалъ ли ты романъ жены его, гдѣ онъ описанъ? Мнѣ давалъ Сасапаяог, англійскій министръ. Байронъ говоритъ имъ о ихъ славѣ языкомъ страсти и поэзіи. Вотъ все, что я знаю о поэзіи и литературѣ итальянской. Это сокъ письма Батюшкова. Слѣдственно, отъ сѣвера до юга восхищаются Байрономъ. Я завидую образу жизни Батюшкова: онъ цѣлые дни проводитъ надъ книгами и вѣрно съ пустыми руками къ намъ не возвратится; а я возвращаю тебѣ твой „Снѣгъ“ съ ошибками писарскими, которыя ты исправишь вмѣстѣ съ своими. Посылаю тебѣ

и письмо А. Булгакова. Братъ его вступилъ здѣсь въ должность et s'en trouve bien.

С. П. Свѣчина очень больна и начинаетъ сама жаловаться на свои страданія. Здѣсь Е. С. Огарева, и мы о тебѣ вспоминаемъ.

258.

Князь Вяземскій Тургеневу.

10-го января. Варшава.

Мы встрѣтились съ твоимъ братомъ нечаянно, но сошлись чаянно; по крайней мѣрѣ я съ нимъ ближе многихъ близкихъ, и сердцемъ нараспашку. Спасибо за 31-е декабря. „Затворникъ“ прелестенъ, но какъ его чортъ не дернулъ заговорить съ невидимою сосѣдкою? Они влюбилась бы другъ въ друга, и я уморилъ бы обоихъ въ страданіяхъ Танталовыхъ. Такимъ образомъ кусокъ былъ бы жирнѣе.

Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
 Укажетъ?
 Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?

Уголовная палата, тюремщики, лѣтописи тюремныя. Я не шучу: меня это своею неистинною поразило. Въ „Овидіи“ много прекрасныхъ стиховъ: надобно еще разъ перечитать. Иные гекзаметры показались уху сомнительными. Я сложеніе ихъ не очень понимаю и, признаюсь, не очень люблю: оно вѣрнѣе сбивается на прозу; впрочемъ, есть дурная и хорошая проза, и вообще Жуковскаго гекзаметры въ числѣ хорошей. Буря и потопленіе ужасно растянуты, но это погрѣшность подлинника. Кто будетъ читать въ Академіи? Боюсь усталости слушателей. Дай Богъ здоровья древнимъ, а отъ нихъ иногда холодно. Но съ другой стороны должно признаться: въ однихъ древнихъ вещи подобной черты:

Чтобъ вѣрный
 Сердца не отдать другой... Изъ столькихъ напрасныхъ желаній
 Только послѣднее слишкомъ, слишкомъ исполнено было.

Тутъ есть какая то острота чувствительности; что то вмѣстѣ затѣйливое и нѣжное, которое имъ однимъ присвоено было.

Сегодня довольно съ тебя будетъ письма и книгъ брата. Меня можешь отпустить прогуляться.

Нѣсколько стиховъ моихъ берутъ у меня для „Благонамѣреннаго“. Узнай ихъ по душеву. Каковъ мой пирогъ и стихи пирожные? Что грамотка, то кусокъ безъсмертія и стервы для „Сына“. Отыщи гдѣ-нибудь мою пѣсню „Давнымъ давно“. Она должна быть у тебя, писанная Жихаревымъ.

259.

Тургеневъ князю Вяземскому.

14-го января. [Петербургъ].

Я, конечно, просилъ у тебя „Первый снѣгъ“, исправленный по нашимъ замѣчаніямъ, Если не приплешь его, то я пушу первое изданіе въ „Сына Отечества“; также и „Уныніе“. Жуковскаго здѣсь еще нѣтъ; какъ скоро возвратится, покажу ему письмо о Мещевскомъ, и будемъ хлопотать вмѣстѣ, если возможно.

Жаль, что я не описалъ тебѣ на другой [день] академическаго чтенія дѣйствіе, которое произвелъ исторіографъ на слушателей ужасами Ивана Васильевича и геройскими добродѣтелями его современниковъ. Теперь впечатлѣніе во мнѣ изгладилось, и я буду холоденъ. Исторію засѣданія ты, вѣроятно, уже знаешь, хоть изъ Каразина въ „Сынѣ Отечества“. Карамзинъ получилъ медаль и произвелъ ладошхлопанье невольнымъ образомъ. Какое-то общее чувство одобренія и даже глухой шумъ оживляли все собраніе. Мы можемъ по этому судить о дѣйствіи народныхъ ораторовъ. Жуковскаго стихи читаны Гнѣдичемъ, хотя и гробовымъ голосомъ, но хорошо и довольно внятно.

Le reste ne vaut pas la peine d'être nommé.

Въ старцѣ Шишковѣ есть какая-то старческая доброта, и если бы онъ не говорилъ нескладицы о преимуществѣ академиче-

скихъ сочиненій предъ частными въ рѣчи своей, то онъ бы мнѣ въ этотъ день отъ начала до конца понравился; ибо лучшее дѣло въ его жизни есть движеніе руки при подачѣ Карамзину золотой медали, которое, можетъ быть, было и послѣдствіемъ движенія его сердца, конечно, не развращеннаго наукою.

Что прикажешь дѣлать съ 1500 рублями, которые я получилъ отъ твоего управителя, обѣщавшаго мнѣ и письмо отъ Дружинина, коего я, однако же, еще не получалъ. Вѣроятно, тутъ и 500 Сибирякова? Всего собрано болѣе пяти тысячъ. Глинка, неутомимый въ добрѣ, хлопочетъ о выкупѣ и хочетъ предлагать неумолимому барину то, что собрано; но не знаю, удастся ли.

Жаль, что не попадается подъ руки посланіе графа Хвостова въ Ломоносову „О рудословіи“, читанное въ Минералогическомъ Обществѣ какою-то обреченною на чтеніе его стиховъ жертвою. Прелесть, какъ хвостовато! Братъ Николай напугалъ его тѣмъ, что онъ много говорилъ о чувственной любви и смѣшалъ ее съ духовною, и онъ обѣщаетъ впредь быть только духовнымъ въ стихахъ своихъ.

Александръ Булгаковъ, вѣроятно, поѣдетъ года на три въ деревню устраивать будущую независимость дѣтей своихъ. Это вѣрнѣе службы царской вознаградитъ утраченное время. Если кто изъ насъ не чувствуетъ себя прямо дѣловымъ человекомъ, или, по крайней мѣрѣ, приготовленнымъ къ дѣлу, тотъ долженъ

Подвигъ бытія означить тѣснымъ кругомъ

и не вздыхать при видѣ Чупятовыхъ

Въ мароккскихъ лентахъ и звѣздахъ,

а съ легкимъ сердцемъ удобривать землю въ своемъ огородѣ; но только, если можно, перенести огородъ въ столицу, ибо въ деревнѣ душно отъ исправниковъ и „Сѣверной Почты“.

И у насъ морозы, и вчера ни во дворцѣ, ни въ театрахъ ничего не было. Отъ волковъ прибылъ только Академіи Медицинской, то-есть, анатомическому театру ея, гдѣ разсѣвають трупы замерзшихъ и заѣденныхъ.

Мы пустились въ маскарады, и книгопродавцы не нагото-

вятся костюмами. Всѣ вояжи забраны, и матушки наши путешествуютъ въ Истріи и Далмаціи, чтобы узнать, какой тюрбанъ носятъ ихъ жители, и какъ обути ножку дочерей своихъ. Я собираюсь въ Донъ-Жуаны при помощи Плещеева.

260.

Тургеневъ князю Вяземскому.

21-го января. [Петербургъ]. Утро.

Спасибо за пирогъ, спасибо за стихи! Одно другого стоитъ, — и это лучшая похвала обжоры. Я не буду рушить пирога до приѣзда брата, котораго ежеминутно ожидаю. Письмо твое и его изъ Варшавы получилъ еще четвертаго дня, а его все еще нѣтъ. Я увѣренъ былъ, что онъ понравится и сердцу, и душѣ твоей. Благодаря чумѣ, я надѣюсь прожить съ нимъ долѣе, нежели полагалъ прежде. Провожу въ Москву, а оттуда, можетъ быть, и далѣе. Чѣмъ долѣе продолжится моя отлучка изъ Петербурга, тѣмъ лучше. Я увижу любопытную часть Россіи и подышу если не свободнымъ воздухомъ, то, по крайней мѣрѣ, на свободѣ. Для меня это давно нужно. Я не постигаю, какъ не задохнулся я по сіе время здѣшнимъ морально-мефитическимъ воздухомъ.

Московскій сенаторъ Малиновскій приѣхалъ, но не привезъ съ собою московскаго поэта-подагрика. Онъ, въ видѣ Сатурна, металъ въ маскарадѣ князя Барятинскаго стихи и слегъ въ подагрѣ.

6 часовъ вечера.

Боюсь не опоздалъ ли уже послать къ тебѣ письмо сіе и спѣшу кончить едва начатое за недѣлю у графини Головиной на репетиціи воскреснаго спектакля; а теперь долженъ спѣшить отыскивать костюмъ для придворнаго небольшого маскарада въ Михайловъ день и для предыдущаго Голицынскаго.

Жуковскій возвратился, а брата все еще нѣтъ. Я уже и начинаю досадовать на тебя за него.

Стихи твои ко мнѣ печатаются въ „Сынъ Отечества“ подъ заглавіемъ: „Посланіе съ пирогомъ“.

Еще разъ спасибо и прости! Въ другой разъ гораздо болѣе. Тургеневъ.

261.

Князь Вяземскій Тургеневу.

24-го января. [Варшава].

Я „Сына Отечества“, по твоей милости, не получаю и потому не знаю исторіи академическаго засѣданія.

Кавихъ поправокъ требуешь ты для моего „Снѣга“? Первые четыре стиха по другому изданію; развѣ только: *не говорливый*— не слишкомъ ли шаликовато? А *слаще ропшутъ* не слишкомъ ли шахматовато, шатровато, то-есть, шероховато? Другія поправки на умъ нейдутъ, да, кажется, и не пужны. Сергѣй Ивановичъ говоритъ, что ты *залога другихъ побѣдъ* не понимаешь; а я въ самомъ дѣлѣ не понимаю, почему этотъ французскій стихъ тебѣ не нравится.

Какъ добѣхалъ твой братъ? Мы начинаемъ таять. Посылаю тебѣ двѣ новыя книги. Разумѣется, отдай ихъ тотчасъ Николаю Михайловичу; тамъ пусти ихъ по свѣту, куда хочешь, а наконецъ отправь въ Москву, къ Ивану Ивановичу. За то до слѣдующей эстафеты удержу нѣкоторые книги брата. Теперь отправляю „Conservateur“ и баденскую книгу. Воля твоя, продолжать не могу, голова болитъ. Цѣлое утро стоялъ подъ ножомъ варшавскихъ тунеедцевъ; три часа, надобно еще писать, одѣваться, а тамъ ждать на обѣдъ пять или шесть либераловъ. Прости! Обнимаю во всю душу.

Когда услышимъ мы Карамзина на правомъ крылосѣ? Я, съ лѣваго, буду отдавать справедливость чистосердечію его дарованій и, опершись на истину, отражать богатырскія его нападенія. Боже мой, когда проглянешь ты, день спасенія? Когда скажу себѣ: „Въ Россіи русскому жить можно: онъ имѣетъ въ немъ отечество!“

Письма къ Плещееву и Ковошкину отдай. Я—было ихъ приготовилъ для актрисы Philis, но опоздалъ.